

Э.Г. Соловьев

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва

Эволюция понятия «суверенитет» — есть ли место экономическому суверенитету в политической науке?

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция понятий «суверенитет» и «экономический суверенитет» в политической науке, а также ключевые направления дискуссий о том, что представляет собой суверенитет в меняющемся мире. Отмечается, что, несмотря на все спорные вопросы, понятие «суверенитет» остается несущей конструкцией современной политики. Основные дискуссии по вопросам экономического суверенитета разворачиваются вокруг двух ключевых концептов — независимости и контроля. Для развивающихся стран независимость означает прежде всего возврат (или обретение) контроля над собственными ресурсами. Экономически развитые страны, в свою очередь, поглощены проблемой контроля над процессами и ресурсами на глобальной арене. В политической науке понятие «экономический суверенитет» только набирает вес и в исследовательских кругах, и в практической политике. Большие дебаты по проблематике экономического суверенитета еще впереди.

Ключевые слова: *суверенитет, экономический суверенитет, глобализация, экономический суверенитет ЕС, реальный суверенитет, развивающиеся страны.*

Классификация JEL: F51, Z18.

Для цитирования: Соловьев Э.Г. (2024). Эволюция понятия «суверенитет» — есть ли место экономическому суверенитету в политической науке? // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 3 (64). С. 225–231.

DOI: 10.31737/22212264_2024_3_225-231

EDN: DUJYAT

Введение

Дебаты по вопросам экономического суверенитета в последние годы заняли видное место в академических и экспертных дискуссиях. Принципиальное значение при этом имеет тот факт, что понятие «суверенитет» экономисты заимствуют из политической науки и правомерность его использования в экономическом контексте часто вызывает серьезные сомнения. Что же такое «суверенитет»?

Понятие суверенитета довольно поздно вошло в лексикон политической мысли, хотя его ключевые составляющие — верховенство и независимость государственной власти — были известны на протяжении столетий человеческой истории. Приоритет в разработке термина принадлежит французскому мыслителю XVI в. Ж. Бодену. С его легкой руки утвердилось представление о суверенитете как об определяющей характеристике современного государства. Универсальность суверенитета состоит в том, что государству принадлежит верховная власть на всей территории, на которую распространяется его юрисдикция. Не случайно наиболее активно это понятие развивалось в рамках политологии и различных школ права. Импульс развитию представлений о суверенитете государства был придан в XVII в. Т. Гоббсом, который не только акцентировал необходимость наличия верховной власти в обществе (для преодоления

иррационального, но соответствующего природе человека состояния войны «всех против всех»), но и стоял у истоков представлений об анархичности системы международных отношений, которые формируются взаимодействиями между независимыми и свободными в определении собственных интересов государствами.

Итак, суверенитет в самом общем виде представляет собой верховенство власти государства в пределах собственных границ и его самостоятельность в решении своих внутренних вопросов и внешнеполитических проблем. В классической формулировке немецкого социолога и политолога К. Шмитта, быть суверенным — значит обладать способностью принимать решения и претворять их в жизнь (Шмитт, 2000, с. 22). Определяющее значение со времен Вестфальского мира (1648 г.) имеют принципы невмешательства во внутренние дела государств и неприкосновенности границ. Каждое государство обладает полным внутренним суверенитетом, самостоятельно определяя собственную форму правления, принципы внутренней организации, отношения с религиозными конфессиями, возможность существования политической оппозиции и т.д.

С момента возникновения термина «суверенитет» традиционно подразделяется на внутренний и внешний (международный). Внутренний суверенитет подразумевает верховенство власти

в рамках государственного образования. Это – организующий принцип публичной власти любого современного централизованного государства. В XVIII в. он был дополнен «вестфальскими принципами» и положениями о недопустимости внешнего вмешательства в осуществление властных полномочий внутри государства (принцип невмешательства во внутренние дела). Внешний, или международный, суверенитет предполагает взаимодействие с другими, такими же суверенными, государственными образованиями при отсутствии в мировой политике некоего верховного арбитра (властного центра), способного принудить участников международных отношений выполнять определенные правила поведения и принимать те или иные политические решения.

Все государства формально признают друг друга и принцип суверенного равенства государств. Это, однако, не мешает в реальности крупным, обладающим большой совокупной мощностью, державам периодически пытаться игнорировать суверенитет более слабых акторов или тестировать решимость отстаивать суверенитет со стороны других великих держав, но позволяет апеллировать к неким общепризнанным принципам. Еще один важный момент в этой связи – суверенитет нельзя понимать как нечто застывшее, неизменное. Это не данность, а политический феномен, требующий способности государств и обществ мобилизовать определенные ресурсы для его упрочения и сохранения. Суверенитет конкретного государства на практике может претерпевать изменения (усиливаться, ослабевать), государство может его даже утратить (примером чему, например, является исчезновение Польши в XVIII в. с карты Европы на несколько столетий). Поэтому многие теоретики международных отношений, ориентированных на создание некоего рационального, регулируемого и управляемого мирового порядка, с некоторым подозрением относились к понятию «незыблемости суверенитета».

В политической науке «суверенитет» никогда не был однозначным понятием. На протяжении нескольких столетий непрерывно разворачивалась полемика вокруг сущности суверенитета. Со времен Ж. Бодена, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо не утихают философские (по глубине) дебаты по поводу носителя суверенитета – правитель, правящая элита, народ, большинство народа и т.д. – и проблемы его субъектности. Немалое внимание уделяла политическая мысль вопросам *делимости суверенитета*. Это касалось прежде всего проектов создания или функционирования существующих федеративных государств. Один из ключевых вопросов теории федерализма – кому, собственно, должен принадлежать суверенитет (а равно и вер-

ховная власть) – федеральному центру или учреждающим этот центр субъектам федерации. Вопрос в разных исторических контекстах решался по-разному, но с явным преобладанием централистских интерпретаций.

При всей неоднозначности понятия суверенитет изначально подразумевал наличие его экономической составляющей. Просто потому что любое суверенное государство должно, по меньшей мере, контролировать и определять правила функционирования развивающейся в определенных границах национальной экономики, а также собирать налоги, составляющие финансовую базу для проявления внутреннего и внешнего суверенитета. И даже если государство по сути является предельно либеральным, придерживается идеологии радикального невмешательства в экономические процессы (по принципу *laissez-faire*), оно все равно влияет определенным образом, как минимум, на режим доступа на собственный рынок иностранных товаров, капитала и рабочей силы, а также, несомненно, собирает налоги.

Поэтому понятие «экономический суверенитет» выглядело на протяжении длительного времени как тавтология. Вопрос оказался актуальным в связи с образованием в середине XX в. плеяды молодых национальных государств в результате процесса деколонизации и получил дополнительный импульс в связи с распадом Советского Союза и блока государств социалистической ориентации.

Экономический суверенитет в эпоху глобализации

Выход на международную арену постколониальных новых суверенных государств (особенно массовый в конце 1950-х и в 1960-е годы) привел к возникновению парадоксальной ситуации. Эти государства обладали внешним суверенитетом (были признаны иными государствами, стали членами ООН, обладали всеми атрибутами государственности – герб, флаг, гимн и т.д.), но слабо контролировали внутренние экономические процессы, а зачастую и вовсе не контролировали собственной ресурсной базы.

В рамках теории модернизации немало внимания уделялось *трансформации* политических институтов и социально-экономических систем различных стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но в самих этих странах, а также в распространенных марксистских и мир-системных интерпретациях существенное место было отведено разделению мира на процветающий Центр и угнетаемую Периферию. Подобного рода объяснения, в целом глубоко научные в своей основе (см. например,

(Wallerstein, 2001; Валлерстайн, 2017)), во многом способствовали распространению представлений о сохранении в мировом масштабе несправедливого распределения издержек и выгод в глобальных цепочках добавленной стоимости. Общее ощущение несправедливости, особенно широко распространенное в так называемых странах третьего мира, породило всплеск интереса к проблематике обеспечения «экономической независимости» новых государств и вылилось в 1960-е годы в довольно широкое международное политическое движение развивающихся стран за *перестройку международных экономических отношений*, ликвидацию неравноправного положения стран на мировом рынке, за формирование «нового международного экономического порядка» (наиболее ярко эта тенденция проявилась в деятельности Группы 77 и в рамках Движения неприсоединения).

В основу политического движения была положена идея о создании некоего межгосударственного механизма регулирования внешнеэкономических связей. Ключевой вопрос — как вернуть контроль над ресурсами постколониальных стран и вырвать его из рук неокOLONIALИСТОВ — остается актуальным по сей день. Достаточно вспомнить, например, эмоциональное выступление на саммите Россия–Африка в 2023 г. Президента Уганды Й.К. Мусевени, который назвал «современной формой рабства» ситуацию на мировом рынке кофе: «Германия — страна, которая не производит и не выращивает кофе, зарабатывает на кофе в год больше, чем все африканские страны вместе взятые — 6,8 млрд долл.». По словам Мусевени, Африка попала в ловушку: «Мы производим сырье, сельскохозяйственное сырье, минеральное сырье, но ... не производим продуктов с добавленной стоимостью. Килограмм сырого кофе стоит 2,5 долл., обжаренный кофе стоит 40 долл., но обжарка производится за пределами Африки. Вся эта добавленная стоимость производится за пределами Африки» (Президент Уганды ..., 2023). Стремление радикально изменить ситуацию на рынках (причем рынок кофе — только частный пример) характеризует настроения широких политических и интеллектуальных кругов в развивающихся странах по сей день. За что их нередко на Западе считают сторонниками «ресурсного национализма».

Дополнительный стимул размышлениям на тему экономического суверенитета был придан распадом СССР и попытками анализа ситуации на постсоветском пространстве и в Восточной Европе. Здесь тоже существенную роль играл вопрос контроля над отечественными ресурсами со стороны общества и государства или критики того, что принято было называть «экономическим

национализмом» государств, возникших на руинах СССР и ряда других стран Восточной Европы (Dogadaylo et al., 2017). Однако с учетом уровня развития и модернизации экономик речь шла не только о ресурсах, но о более широком круге проблем. В фокусе внимания в результате оказывалась, наряду с вопросами обеспечения безопасности, и финансовая независимость, и возможность самостоятельно развивать промышленную базу, цифровые компетенции и т.д.

В связи с этим появился термин «*реальный суверенитет*», означающий способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику. Такой суверенитет предполагает национальный контроль над транспортной инфраструктурой (сетью аэродромов и управлением воздушным движением, над нефте- и газопроводами, железнодорожной сетью, автотрассами), над рядом отраслей гражданской наукоемкой промышленности, тесно связанных с оборонно-промышленным сектором, важнейшими каналами коммуникаций, прежде всего телевидением (Кокошин, 2006, с. 63). Очевидно, что «реальным суверенитетом» в мире в подобной интерпретации обладает небольшое число стран. И новым независимым государствам Евразии (и России в том числе) необходимо пройти большой путь развития, чтобы его обрести.

Еще один импульс изучать экономический суверенитет в меняющемся мире в конце XX в. был придан воздействием глобализации на социально-экономические и политические процессы в различных странах мира. Уже в 1990-е годы экономическая глобализация стала рассматриваться западными экспертами, идеологами и политиками преимущественно не как рост взаимной зависимости между различными национальными экономическими и политическими системами, а как процесс формирования единой глобальной экономики, выстроенной на основе всеобщих либеральных рыночных принципов, которые могут и должны устанавливаться и регулироваться на наднациональном уровне. При интеллектуальном и политическом лидерстве стран Запада.

Этот период оказался ознаменован существенными изменениями правил игры в мировой политике и глобальной экономике. Глобализация ставит под сомнение основную предпосылку модерна, а именно — то, что А.Д. Смит называл «методологическим национализмом». Речь о том, что контуры, внешние границы, общества и государства совпадают. Общества существуют в рамках определенных государств (Smith, 1979, p. 91). Получила широкое распространение точка зрения, согласно которой процессы глобализации

способствуют существенному перераспределению ресурсов власти от правительств к иным субъектам мировой политики и экономики (Бек, 2001). Конкуренцию институтам государства составляют транснациональные корпорации (Stopford, Strange, Henley, 2009), определяющие экономическое благополучие целых регионов и заметно воздействующие на формирование идентичности значительных групп населения, транснациональные политические сети, все более явно воздействующие на формирование международной повестки дня, а также иные формы социальной и политической организации. Происходит размывание суверенитета, и само понятие становится анахронизмом. Одновременно в глобализирующемся мире все более отчетливо стала проявляться тенденция роста конкуренции за эффективную включенность в международное разделение труда. В качестве средства принуждения все чаще стала выступать не угроза вторжения, а «угрожающее невторжение» (в терминологии У. Бека) инвесторов или угрожающая возможность их ухода из той или иной страны (Бек, 2007, с. 89). В совокупности отмеченные тенденции вели к размыванию ряда ключевых политологических понятий – и одной из первых жертв возникшей ревизионистской волны стал классический суверенитет в его вестфальском понимании.

Как неоднократно отмечали многие западные исследователи, внешний правовой суверенитет далеко не всегда связан с внутренним. И это обстоятельство обуславливает политические деформации международной системы, в которой слабые, распадающиеся (*failing*) или неудавшиеся (*failed*) государства, не способные контролировать ситуацию на своей территории, сохраняют внешний правовой суверенитет, членство в международных организациях и международную правосубъектность.

В истории неоднократно имела место трансформация, изменение понимания важных для функционирования мировой системы принципов и понятий – так, например, в XVII–XVIII вв. с рынком была связана доктрина меркантилизма; последние полтора века мы ассоциируем с рынком принцип свободы торговли. Иными словами, в изменении содержания концепции суверенитета нет ничего необычного. Вопрос в том, что именно рассматривается в качестве трансформации.

В последние десятилетия активно продвигается утверждение о том, что зафиксированное в международном праве и подкрепленное практикой поведения государств соотношение между внутренним и внешним суверенитетом нельзя считать закрепленным навечно. Оно отражает реалии уходящей вестфальской эпохи и будет продолжать эволюционировать в будущем. С этой точки зре-

ния в эру нарастающей взаимной зависимости суверенитет неизбежно размывается и суверенное государство постепенно утрачивает монополию не только на поддержание отношений с внешним миром, но и на контроль над процессами, происходящими внутри государства. В то же время концепция «ограниченного суверенитета» не получила широкого признания даже на Западе. Отсюда огромное число эвфемизмов типа «многослойный» (*layered*), «дезагрегированный» (*disaggregated*), «мягкий» (*softened*) и тому подобный суверенитет (Brown, 2010; Buzan, Little, 2000; Ungoverned Spaces, 2010).

Подобного рода, казалось бы, абстрактные интерпретации рационализировали развитие интервенционистских практик в мировой политике и привели к вполне реальному краху ряда государств (Югославии, Ирака, Ливии), некоторые из них вообще исчезли с политической карты мира. В этом смысле представляются анекдотичными возникшие в последнее время многочисленные сетования западных аналитиков на то, что действия безрассудных «автократов и диктаторов» поставили под вопрос принципы международного права и «священный» принцип суверенитета. В эрозии представлений о суверенитете и его «десакрализацию» западными интеллектуалами де-факто внесен гораздо более весомый вклад, чем всеми автократами мира, вместе взятыми.

Перефразируя формулу британского социолога З. Баумана, мир объективно глобализируется, но одновременно предпринимается попытка универсализации западного опыта и правил игры в глобальном масштабе (Бауман, 2004, с. 86). Запад, как и сто и двести лет назад (в рамках подвергаемой ныне жесткой критике Вестфальской системы международных отношений), пытается играть роль глобального авторитета, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты и их интерпретацию (рынок, права человека, демократию и т.д.) на другие общества, которые зачастую, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (в числе которых концепт суверенитета).

Наиболее привлекательной идеей выступает не ограничение, а добровольное делегирование суверенитета – той или иной его части. Как это уже происходит в рамках ряда международных режимов и интеграционных проектов, идеалом которых до последнего времени выступали институты и механизмы европейской интеграции. Однако насколько возможно воспроизвести подобный опыт в иных (неевропейских) институциональных и контекстуальных обстоятельствах – остается вопросом, на который пока нет очевидного ответа.

В последние годы ведется заочная полемика о смысле и содержании понятия «*экономический суверенитет*» на фоне подмораживания процессов глобализации и ренационализации мировой политики, где действия ведущих мировых держав явно обозначают завершение «однополярного момента» в мировой истории.

Ключевыми аспектами дискуссии по проблематике нового определения «*суверенитета*» остаются понятия «*независимость*» и «*контроль*». Характерно, что в Российской Федерации экономический суверенитет обычно понимается как защищенность национальной экономической системы страны от различных внешних мер воздействия (включая рестриктивные), контроль над ресурсами, повышение технологической автономности национальной экономики и развитие национальной цифровой инфраструктуры. Акцент преимущественно делается на повышении автономности и защищенности и во многом коррелирует с понятием «безопасность» — экономическая, продовольственная, энергетическая, цифровая и т.д. (Афонцев, 2020, 2024; Болдырев, Чихладзе, 2022; Дудин, Шкодинский, Продченко, 2022; Ануприенко, 2023).

На Западе подходы к определению экономического суверенитета более разнообразны. Пересечения с проблематикой безопасности также имеют место. Равно как и акцент на независимости действий суверенных государств (особенно это заметно в Европе в контексте добровольного отказа от части национального суверенитета в пользу наднациональных европейских структур). Так, Ж. Сапир определяет *экономический суверенитет* как «способность национального правительства принимать решения независимо от решений, принимаемых другими правительствами» (Сапир, 2020, с. 3). Однако имеют место и более широкие подходы, призванные осмыслить формирование уже общеевропейского «экономического суверенитета» в конкуренции с США и КНР. Отмечается, что великие державы, в первую очередь Китай и США, все чаще используют экономические инструменты в геополитических целях, в то время как ЕС до сих пор отделяет экономические инструменты от геополитических интересов и тем самым подвергает риску собственный экономический суверенитет. Вывод состоит в том, что европейцы уже сейчас должны предпринять шаги, направленные на укрепление своей экономической мощи, и разработать стратегию экономического суверенитета, направленную на защиту активов, имеющих решающее значение для национальной безопасности, от иностранного вмешательства и укрепление европейской валютной и финансовой автономии (Leonard et al., 2019). Поскольку мощь объединенной Европы (так уж исто-

рически сложилось) сконцентрирована на данный момент преимущественно в экономической сфере, «суверенитет для ЕС в целом — это, прежде всего, суверенитет экономический» (ibid., p. 2).

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на все дискуссии, суверенитет остается «несущей конструкцией» современной политики. Негосударственные акторы, и в первую очередь ТНК, были символом глобализации. Однако разговоры о самостоятельной роли ТНК поутихли уже на фоне пандемии COVID-19 и, особенно, в контексте украинского кризиса, сопровождающегося беспрецедентным и, безусловно, ударившим по интересам ТНК санкционным давлением на российскую экономику. Суверенное государство вернулось, а бизнес стойчески переносит все последствия рестрикционной политики. И представления о его полной автономности и серьезном влиянии на принятие политических решений оказались в этой связи сильно поколебленными.

В этом контексте возникнет запрос на междисциплинарные научные дискуссии по проблематике экономического суверенитета в современном мире, поскольку в их рамках невозможно будет обойтись обсуждением только экономических вопросов. Уже сейчас ясно, что возвращаться эти дискуссии будут вокруг двух ключевых понятий — независимости и контроля.

Для развивающихся стран независимость означает прежде всего возврат контроля (а в ряде случаев — обретение контроля) над собственными ресурсами. Эти тезисы хорошо известны, поскольку уже на протяжении более полувека звучат на всех международных форумах, причем не только экономических. При этом, наряду с экономическими и политическими тезисами, в ходе дебатов возникают моральные категории «справедливости», «справедливого мирового экономического порядка» и т.д.

В Европе экономический суверенитет остается важной дискуссионной темой в двойном отношении. Малые страны озабочены сохранением хотя бы части суверенитета в рамках ЕС. Их представителей в целом не убеждают выводы ряда западных авторов о высокой степени адаптивности малых стран в современной экономике (Katzenstein, 2015), поскольку это обстоятельство не отменяет эрозии суверенитета, а вместе с ним — и размывания политических институтов, инструментов обеспечения демократической легитимности. Крупные страны, как, например, Франция, проявляют чувствительность к проблематике суверенитета, в том числе его экономическим аспектам (Сапир, 2020). В то время как сам

ЕС останется поглощен проблемой контроля процессов и ресурсов на глобальной арене (Сидорова, Сидоров, 2023).

И, наконец, для США проблема экономического суверенитета скорее будет и далее коррелировать с обсуждением различных аспектов «экономического национализма» и экономической безопасности, преодоления «ресурсного» и «экономического национализма» недружественных стран и поддержания американского экономического лидерства на фоне глобальных пертурбаций. При этом темы доминирования Соединенных Штатов в финансовой сфере, поддержания роли доллара как мировой валюты, обеспечения контроля над ресурсами в глобальном масштабе и промышленными мощностями, которые по понятным причинам невозможно в полном объеме вернуть назад в США, останутся в фокусе дебатов по теме. Позиция американской политической элиты будет оставаться предсказуемо двойственной: она связана с отставанием собственного суверенитета любыми доступными средствами, с одной стороны, и утверждениями относительно несовместимости «устаревшего» суверенитета и продвижения гуманитарных принципов современного мироустройства иных стран, с другой. На самом деле в этом нет ничего нового – стоит вспомнить мнение одного из отцов-основателей теории международных отношений Э. Карра, высказанное более полувека тому назад: «Неуместность государственного суверенитета – идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего собственного преобладающего положения» (Carra, 1939, p. 18). Таким образом, понятие «экономический суверенитет» набирает вес как в исследовательских кругах, так и в практической политике. Однако большие дебаты по проблематике экономического суверенитета еще впереди.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Ануприенко В.Ю.** (2023). Экономический суверенитет России. Направления и задачи укрепления экономического суверенитета на современном этапе развития страны // *Вестник Академии естественных наук*. № 4. С. 60–67. [Anuprienko V. Yu. (2023). Economic sovereignty of Russia. Directions and tasks of strengthening economic sovereignty at the current stage of the country's development. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 4, 60–67 (in Russian).]
- Афонцев С.А.** (2020). Политика и экономика торговых войн // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (45). С. 193–198. [Afontsev S.A. (2020). Politics and economics of trade wars. *Journal of the New Economic Association*, 1 (45), 193–198 (in Russian).]
- Афонцев С.А.** (2024). Экономическая аналитика и экономическая безопасность // *На страже экономики*. № 1. С. 9–21. [Afontsev S.A. (2024). Economic analytics and economic security. *The Economy under Guard*, 1, 9–21 (in Russian).]
- Бауман З.** (2004). *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М.: Весь мир. [Bauman Z. (2004). *Globalization. The human consequences*. Moscow: Ves' mir (in Russian).]
- Бек У.** (2001). *Что такое глобализация?* М.: Прогресс-Традиция. 304 с. [Beck U. (2001) *What is globalization?* Moscow: Progress-Tradition (in Russian).]
- Бек У.** (2007). *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М.: Прогресс-Традиция. [Beck U. (2007). *The power and its opponents in the era of globalism. The new world-political economy*. Moscow: Progress-Tradition (in Russian).]
- Болдырев О.Ю., Чихладзе Л.Т.** (2022). Экономический суверенитет государства: ценность, вызовы, правовые механизмы защиты // *Антиномии*. Т. 22. Вып. 4. С. 110–127. [Boldyrev O. Yu., Chikhladze L.T. (2022). Economic sovereignty of the state: Value, challenges, legal mechanisms of protection. *Antinomies*, 22, 4, 110–127 (in Russian).]
- Валлерстайн И.** (2017). *Мировосистемный анализ. Введение*. М.: URSS. [Wallerstein I. (2017). *World system analysis. Introduction*. Moscow: URSS (in Russian).]
- Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Продченко И.А.** (2022). Экономические и инфраструктурные инструменты обеспечения государственного экономического суверенитета в цифровой экономике: опыт Российской Федерации и мира // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 12. № 1. С. 57–80. [Dudin M.N., Shkodinskiy S.V., Prodchenko I.A. (2022). Economic and infrastructural instruments for ensuring state economic sovereignty in the digital economy: The experience of Russia and the world. *Russian Journal of Innovation Economics*, 12, 1, 57–80 (in Russian).]
- Кокосин А.** (2006). *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе*. М.: Издательство «Европа». 180 с. [Kokoshin A. (2006). *Real sovereignty in the modern world political system*. Moscow: Europa Publishers (in Russian).]

- Президент Уганды назвал ситуацию на мировом рынке кофе «современной формой рабства» (2023) // ТАСС. 28 июля 2023 г. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/18392717/> [The President of Uganda caller the situation at the global coffee market 'the modern form of slavery' (2023). TASS, 28.07.2023. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/18392717/> (in Russian).]
- Сапир Ж.** (2020). Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации // *Проблемы прогнозирования*. № 2. С. 3–9. [Sapir J. (2020). The foundations of economic sovereignty and the question of the forms of its implementation. *Studies on Russian Economic Development*, 2, 3–12 (in Russian).]
- Сидорова Е.А., Сидоров А.А.** (2023). Стратегическая автономия Европейского Союза в экономике: концепция и проблемы реализации // *Международные процессы*, 21 (3), 119–142. DOI: 10.17994/IT.2023.21.3.74.7 [Sidorova E.A., Sidorov A.A. (2023). Strategic autonomy of the European Union in economics: Concept and problems of implementation. *International Trends*, 21 (3), 119–142. DOI: 10.17994/IT.2023.21.3.74.7 (in Russian).]
- Шмитт К.** (2000). *Политическая теология. Сборник*. Пер. с нем. М.: Канон-пресс. 336 с. [Schmitt C. (2000). *Political theology*. Transl. from the German. Moscow: Kanon-Press (in Russian).]
- Brown W.** (2010). *Walled states, waning sovereignty*. New York: Zone Books.
- Buzan B., Little R.** (2000). *International systems in world history. Remaking the study of inter-national relations*. Oxford: Oxford University Press.
- Carr E.** (1939). *The twenty years' crisis 1919–1939. An introduction to the study of international relations*. London: Harper.
- Dogadaylo E. Yu., Chepunov O.I., Nosov S.I., Shmal'iy O.V.** (2017). Economic sovereignty of the Russian Federation under the current conditions. *European Research Studies Journal*, XX, 3B, 230–238.
- Katzenstein P.** (2015). *Small states in world markets. Industrial policy in Europe*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Leonard M., Pisani-Ferry J., Ribakova E., Shapiro J., Wolff G.** (2019). Redefining Europe's economic sovereignty. *Breugel Policy Contribution*, 9, 1–23.
- Smith A.D.** (1979). *Nationalism in the twentieth century*. Oxford: Oxford University Press.
- Stopford J.M., Strange S., Henley J.S.** (2009). *Rival states, rival firms: Competition for world market*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ungoverned Spaces (2010). *Alternatives to state authority in an era of softened sovereignty*. A. Clunan, H. Trinkunas (eds.). Stanford: Stanford University Press.
- Wallerstein I.** (2001). *The end of the world as we know it: Social science for the twenty-first Century*. London, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Поступила в редакцию 23.08.2024

Received 23.08.2024

E.G. Solovyev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Evolution of the concept of “sovereignty” — is there a place for economic sovereignty in political science?

Abstract. The article examines the evolution of the concept of economic sovereignty and the key areas of discussion on the aspects of economic sovereignty in a changing world. It is argued that, despite all the disputed points, sovereignty remains the pillar of modern politics. The main discussions on the issue of economic sovereignty revolve around the two key concepts, i.e., that of independence and control. For developing countries, independence means, first of all, regaining control over their own resources. Developed countries are preoccupied with the problem of controlling economic (and technological) processes and resources in the global arena. The concept of economic sovereignty is gaining weight both in research community and in practical politics. The big debate on the issue of economic sovereignty is still ahead.

Keywords: *sovereignty, economic sovereignty, globalization, economic sovereignty of the EU, real sovereignty, developing countries.*

JEL Classification: F51, Z18.

For reference: **Solovyev E.G.** (2024). Evolution of the concept of “sovereignty” — is there a place for economic sovereignty in political science? *Journal of the New Economic Association*, 3 (64), 225–231 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2024_3_225-231

EDN: DUJYAT